

- [Стивен Кинг, Джо Хилл](#)

Стивен Кинг, Джо Хилл Полный газ

Они мчались на запад по расцветенной пустыне и не останавливались до тех пор, пока не отъехали от места бойни на добрую сотню миль. Наконец, чуть после полудня, они свернули к придорожному ресторанчику. Стены его покрывала штукатурка, а напротив, на бетонных островках, стояли бензоколонки. От хора надсадно ревущих моторов окна забегаловки дрожали. Подъехав к западной части строения, они остановились у припаркованных тут же фур, выдвинули подножки и заглушили двигатели.

Всю дорогу Лихач Адамсон ехал впереди на своем «харлее», иногда отрываясь от остальных на четверть мили. Такая вот была у него привычка, с тех пор как он вернулся к ним, отслужив два года в песках. Потому ли он ехал так далеко от всех, что хотел бросить им вызов, или ему просто хотелось от них отделаться? Останавливаться у забегаловки Лихачу не хотелось, но Винс заставил его. Как только та показалась на горизонте, Винс догнал Лихача, обогнал его, а затем выбросил левую руку в таком знакомом Племени жесте: съезжаем с трассы. И Племя послушалось, как слушалось всегда. Еще один повод для неприязни Лихача. У пацана их набралось уже предостаточно.

Припарковавшись первым, Лихач с мотоцикла слезать не спешил. Он лишь приподнялся на своем скакуне и начал медленно снимать кожаные перчатки, окидывая гневным взором остальных из-под темных очков с зеркальными стеклами.

— Поговорил бы ты со своим мальцом, — сказал Винсу Лемми Чапман, кивнув в сторону Лихача.

— Не здесь, — ответил тот. С разговором можно повременить до Вегаса. Винсу хотелось оставить дорогу позади. Хотелось полежать некоторое время в темноте, пока

не рассосется тошнотворно-холодный комок, засевший у него в животе. А больше всего хотелось принять душ. Кровь на него не попала, но все равно он чувствовал себя зараженным. Не будет ему уютно в собственной шкуре, пока он не смоет с себя всю утреннюю мерзость и вонь.

Винс уже шагнул было к забегаловке, но тут Лемми поймал его за руку.

— Здесь.

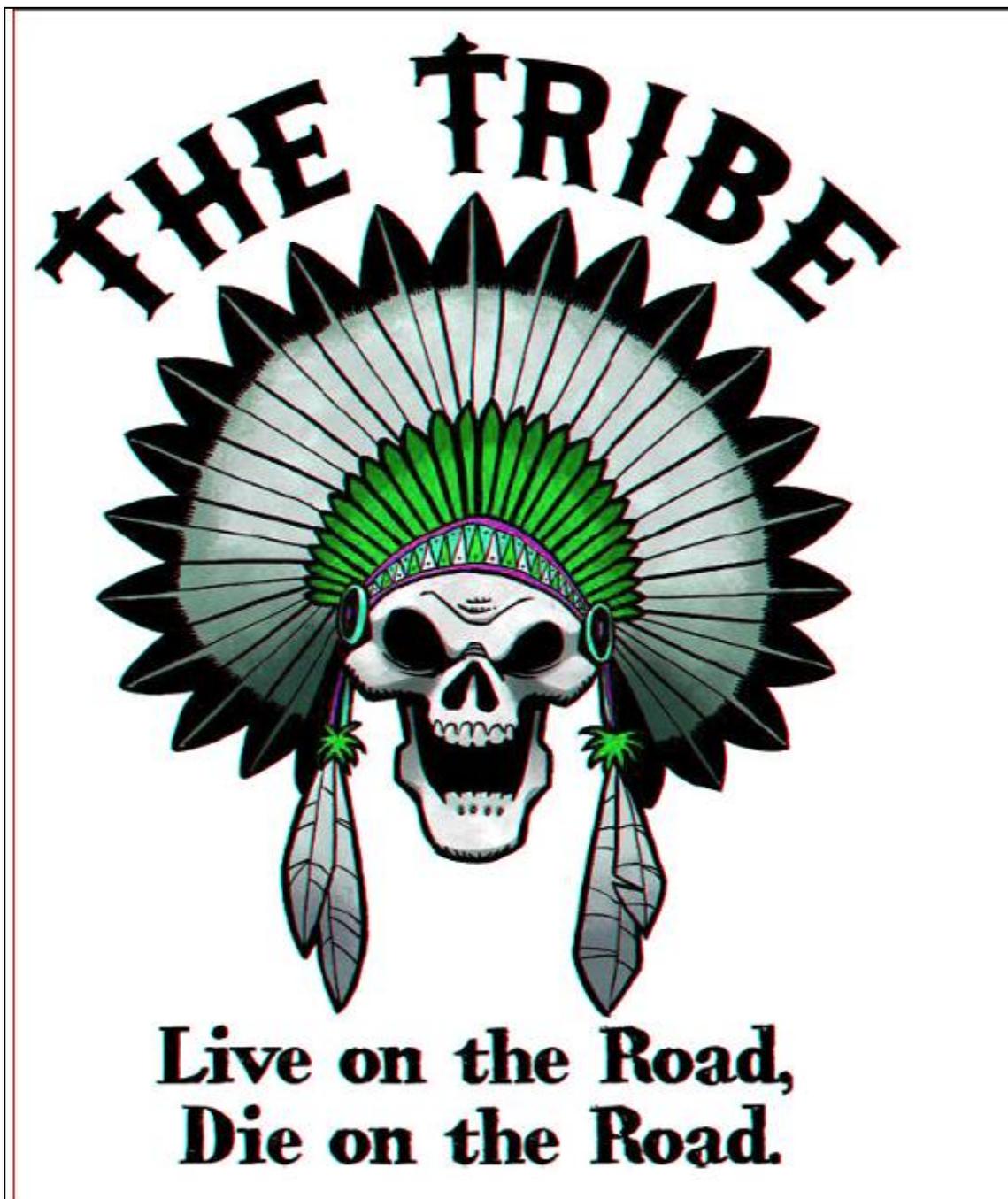
Винс взглянул на ладонь у себя на предплечье, но Лемми не отпустил — в отличие от остальных, Лемми его не боялся — а затем посмотрел на мальчика, который и мальцом-то не был уже многие годы. Лихач успел открыть ящик над задним колесом и что-то в нем искал.

— О чем нам говорить? Кларка уже нет. Денег тоже, поэтому делать нам нечего. Сегодня так точно.

— Узнай, согласен ли с тобой Лихач. Ты-то считаешь, что вы с ним на одной волне, хотя в последнее время две минуты из трех он видеть тебя не может. И вот еще что, босс: из этих парней нескольких привел именно Лихач, и он же их раззадорил своими россказнями о том, как они разбогатеют на его сделке с Кларком. Так что не только ему хочется узнать, что будет дальше. — Лемми бросил на остальных значительный взгляд. Только теперь Винс заметил, что к забегаловке не пошел никто, что все они трутся у своих байков, посматривая в его с Лихачом сторону и ожидая дальнейшего развития событий.

Говорить Винсу не хотелось. Сама мысль о разговоре с Лихачом вытягивала из него все силы. В последнее время каждая их беседа превращалась в утомительное перебрасывание тяжелым мячом. Винс чувствовал, что на еще одну его уже не хватит. Стоит только вспомнить, от чего они бегут.

И все-таки он пошел, ведь когда дело касалось сохранения Племени, Лемми никогда не ошибался. Лемми прикрывал ему спину еще в дельте Меконга, в те сумасшедшие деньки, когда они прочесывали местность в поисках растяжек и мин. И теперь, сорок лет спустя, изменилось мало что.

Винс оставил мотоцикл и подошел к Лихачу, стоящему между своим «харлеем» и припаркованным рядом нефтевозом. Лихач уже успел найти в ящике то, что искал: фляжку, в которой плескалось нечто, по виду напоминающее чай, да не чай. Пить он начинал все раньше и раньше, и Винсу это тоже не нравилось. Лихач сделал глоток, вытер рот и протянул фляжку Винсу. Тот покачал головой.

— Ну, какие планы? — спросил Винс.

— Если двинем по 6-му шоссе, то доберемся до Шоу Лоу часа через три. Если, конечно, твой хилый рисоед выдержит.

— А что там, в Шоу Лоу?

— Кларкова сестра.

— Зачем нам к ней?

— За деньгами. Ты, кажется, не заметил, но нас недавно накололи на шестьдесят штук.

— И ты думаешь, деньги у нее.

— Надо ж где-то начинать.

— Давай подождем до Вегаса. Приедем и все хорошенько обговорим.

— Обговорим все сейчас, ясно? Ты видел, что когда мы вошли, Кларк вешал трубку? Так вот, через дверь я услышал обрывок разговора. Думаю, он пытался связаться с сестрой, а когда не получилось, оставил сообщение кому-то из ее знакомых. Как думаешь, с чего бы ему так приспичило позвонить этой дуре, как только он увидел, что мы подъезжаем?

«Чтобы попроситься», подумал Винс, но вслух не сказал. — Да ну, вряд ли она в этом замешана. Чем она занимается? Тоже мет гонит, что ли?

— Нет. Шлюха она.

— Блин, ну и семейка.

— Кто бы говорил, — сказал Лихач.

— В смысле? — спросил Винс. Его беспокоила не столько сама фраза с ее оскорбительным подтекстом, сколько эти вот зеркальные очки Лихача, в которых отражался сам Винс, загорелый, с седой бородой, морщинистый и старый.

Лихач смотрел на уходящее вдаль раскаленное шоссе, а когда заговорил, ответа на свой вопрос Винс не услышал.

— Шестьдесят штук — как в топку, а тебе хоть бы хны.

— Не хоть бы хны. Но выходит, что именно в топку.

С Дином Кларком Лихач познакомился в Фаллудже. Или в Тикрите. Кларк служил санитаром и специализировался в управлении болью. Со своими обязанностями он справлялся с помощью первоклассной дури, щедро приправленной рэпом Вайклефа Жана. Лихач же водил «хаммеры», стараясь по возможности не попадать под пули. На гражданке связь они не потеряли, и полгода назад Кларк пришел к Лихачу с предложением устроить на озере Смита лабораторию по изготовлению метамфы. По его подсчетам, на все про все требовалось шестьдесят штук, а вскоре дело будет приносить каждый месяц еще большие суммы.

— Гнать будем настоящий лед, — вещал Кларк, — не какую-то зеленую дешевку. — Он поднял руку над головой, изображая огромную кучу денег. — До небес рукой достанем, йоу!

Йоу... Винс подумал, что после этого «йоу» ему стоило сразу же выйти из игры. В ту же секунду.

Но он не вышел. Несмотря на все сомнения, Винс добавил к деньгам Лихача двадцать штук из своих собственных сбережений. Кларк выглядел эдаким раздолбаем, а своими длинными, светлыми волосами и двухслойными рубашками немного напоминал Курта Кобейна. Он говорил «йоу», называл всех подряд братанами, рассуждал о том, как наркотики позволяют нам преодолеть давящую мощь надсознания. Что бы это ни значило. Он сначала удивил, а потом очаровал Лихача умными подарками: пьесами Сартра, кассетами, на которых под музыку репти читали поэзию.

Винс недолюбливал Кларка не из-за его беспрестанной яйцеголовой болтовни о духовной революции, которая велась на каком-то идиотском манерно-негритянском говоре. Волновало его другое: Кларк уже давно сидел на мете, судя по его рту с выпадающими гнилыми зубами и пятнистыми деснами. Винсу не претило делать бабки на этом дерьме, но он до дрожи в коленках не доверял употребляющим его отморозкам.

И все-таки бабки Винс выложил: ему хотелось, чтобы у Лихача хоть что-нибудь получилось, особенно после происшествия, из-за которого его вышвырнули из армии. В последующие дни, когда Лихач с Кларком обговаривали все детали, Винс почти уговорил себя поверить в успех предприятия. Лихач же напустил на себя нахально-самоуверенный вид и даже купил своей девушке подержанный «Мустанг», предвкушая те времена, когда его вложения начнут давать плоды.

Да только лаборатория-то сгорела, йоу! Сгорела дотла за десять минут в первый же день работы. Занятые в ней мексы успели выбраться и топтались неподалеку, все в саже и ожогах, пока не приехали пожарные. Теперь большинство из них сидело в окружной кутузке.

Лихач о пожаре узнал, но не от Кларка, а от Бобби Стоуна, еще одного дружка по Ираку, который поехал на озеро Смита, чтобы отовариться на десять штук сказочно чистой метамфой. Завидев дым и мигалки, Бобби развернулся и тихонько смылся. Лихач попытался дозвониться до Кларка, но ни днем, ни вечером у него ничего не вышло. К одиннадцати Племя уже мчалось на восток на его поиски.

Кларка они застали за сборами в его стоящей среди холмов хибаре. Тот сказал, что как раз намеревался отправиться к Лихачу, чтобы рассказать о случившемся и обговорить новый план. Пообещал вернуть все вложенные деньги. Сказал, что пока

денег у него нет, но есть планы на такой вот непредвиденный случай, и что он блядски сожалеет о случившемся. Где-то Кларк соврал, где-то — нет (особенно начет того, что он дико сожалеет), но сюрпризом для Винса не стало ничего, даже его горестные рыдания.

А вот подруга Кларка застала Винса — да и всех их — врасплох. Она пряталась в ванной, одетая в трусики в цветочек и спортивную фуфайку с надписью «Команда Корманской Средней Школы». Лет семнадцать, накачанная под завязку метом, девушка сжимала в руке маленький пистолет 22-го калибра. Через дверь она услышала, как Рой Клоуз спросил Кларка, где его подруга и сказал, что если та им всем отсосет, они тут же сбросят с долга пару сотен баксов. Клоуз пошел поссать, вытаскивая на ходу член, но девчонка-то подумала, что идет он за кое-чем другим и открыла огонь. Первая пуля ушла в сторону, вторая угодила в потолок, потому что к тому времени Рой уже пустил в ход мачете, а вся ситуация начала сползать в черную дыру, переходя от реальности к кошмару.

— Часть денег Кларк, конечно, потерял — сказал Лихач, — может, даже половину из того, что мы ему дали. Но если ты думаешь, что он вложил в тот трейлер все шестьдесят штук, то это твои проблемы.

— Может, часть денег он и заначил. Я не говорю, что ты не прав, но я не понимаю, почему деньги будут именно у его сестры. А что если он их просто в банку положил и закопал на заднем дворе? Я не хочу наезжать на какую-то жалкую шлюшку ради прикола, но если мы узнаем, что у нее вдруг завелись деньги, то это, конечно, все изменит.

— Я полгода потратил на это дело. И не только я вложил свои средства и возлагал на него большие надежды.

— Ладно, давай доберемся до Вегаса и там уже все хорошенько обговорим.

— Болтовня ни к чему не приведет. Надо ехать. Сегодня его сестра еще в Шоу Лоу, но когда она узнает, что братца с подругой размазали по всему ранчо... -

— Говори тише, — сказал Винс.

Лемми стоял в нескольких футах слева от Винса. Стоял и наблюдал, сложив руки на груди. В любую секунду он готов был рвануть и встать между ними. Остальные, бородатые и покрытые дорожной пылью, стояли группками по двое и по трое. На их кожаных куртках и джинсовых жилетках красовались нашивки с эмблемой банды — черепом в индейском головном уборе из перьев. Над черепом вышита надпись: «**Племя**», под ним — девиз: «**В пути живи, в пути умри**». Племенем они были всегда, хотя индейцев среди них не водилось, за исключением Персика, который утверждал, что он наполовину чероки (кроме тех случаев, когда ему хотелось быть полуиспанцем или полуинкой). Док говорил, что будь тот хоть полуэскимосом-полувикингом — на выходе в любом случае получился полный идиот.

— Деньги ушли, — сказал сыну Винс, — те полгода тоже. Пойми ты.

Тот лишь стоял и молчал. На скулах вздулись желваки. Фляжку он сжал так, что побелели костяшки. Глядя на сына, Винс внезапно вспомнил, как когда-то шестилетний Лихач с таким же запыленным лицом гонял по двору на своем зеленом трехколесном велосипеде, подражая реву мотора. Винс и Мэри смеялись до упаду над комичным напряжением на личике ребенка, эдакого дорожного воина из детсада. Теперь, спустя два часа после того, как Лихач раскроил лопатой человеку голову, Винсу было не до смеха. Лихач всегда был прытким, и именно он первым догнал Кларка, когда тот попытался смыться в вызванной выстрелами суматохе. Может, Лихач и не хотел его убивать, ведь он ударил Кларка всего один раз.

Винс уж было открыл рот, чтобы сказать что-то еще, но подходящих слов не нашел. Он повернулся и направился к забегаловке. Не успев пройти и трех шагов, он услышал, как позади него разбили бутылку. Винс повернулся и понял, что это Лихач швырнул фляжку о борт нефтевоза, как раз в то место, где за пять секунд до этого стоял он сам. Наверное, метил в его тень.

Виски и осколки стекла падали с выдавшей виды цистерны. Винс посмотрел на округлый борт и невольно вздрогнул: на мгновение ему показалось, что на нем написано

«РЕЗНЯ». Но нет. На борту красовалась надпись «БЕРЕЗНЯК». Все познания Винса о Фрейде могли уложиться самое большее слов в двадцать — щеголеватая седая борода, сигара, считал, что детки хотят трахнуть собственных родителей — но не надо быть гением психологии, чтобы узнать подсознательное чувство вины в действии. Винс бы даже посмеялся, но тут он увидел кое-что еще.

В кабине нефтевоза сидел водитель, свесив руку из окна. Промеж двух пальцев дымилась сигарета. На предплечье виднелась поблекшая от времени татуировка «**ЛУЧШЕ СМЕРТЬ, ЧЕМ БЕСЧЕСТЬЕ**», которая выдавала в нем ветерана. Последнее Винс отметил как-то мимоходом и тут же отбросил. Может, он к этому еще вернется, может, нет. Винс попробовал прикинуть, что тот мог услышать, оценить риск и решить, надо ли срочно вытаскивать Березняка из кабины на серьезный разговор.

Винс все еще размышлял, когда фура с грохотом и вонью пробудилась к жизни. Березняк выкинул сигарету на стоянку и отпустил воздушный тормоз. Из труб фуры повалил черный дизельный дым, и она тронулась с места, шурша шинами по гравию. Глядя на удаляющуюся цистерну, Винс почувствовал, как напряжение медленно отступает и облегченно вздохнул. Вряд ли мужик услышал хоть что-нибудь, а если даже и услышал, что с того? Кто в здравом уме захочет с ними связываться? Наверное, Березняк понял, что его застукали за подслушиванием и решил убраться подальше от поздорову.

К тому времени как восемнадцатиколесник выехал на двухполосное шоссе, Винс уже отвернулся и направился к забегаловке. До следующей встречи с фурой оставалось чуть меньше часа.

Первым делом Винс направился пописать — последние тридцать миль мочевого пузыря просто разрывался — а на обратном пути увидел, что остальные уже успели рассестись по двум ресторанным кабинкам. Все как-то притихли. Слышен только скрежет вилок по тарелкам и звон опускаемых на стол стаканов. Говорил лишь Персик, да и то сам с собой. Что-то там шептал, изредка подрагивая, словно ему докучали какие-то невидимые мошки. Такая вот жутковатая была у него привычка. Остальные ушли в себя, никого не видя вокруг, уставившись бог знает на что внутренним взором. Кто-то, наверное, видел перед собой ванную, в которой Рой Клоуз только что закончил рубить девушку в капусту. Другие вспоминали Кларка, лежащего ничком в пыли у черного хода, с выпяченной задницей, в засранных штанах и с лопатой в голове. А кто-то, быть может, размышлял, успеет ли он домой к началу «Американских гладиаторов» и окажется ли купленный вчера лотерейный билет выигранным.

По дороге к Кларку все было по-другому. Лучше. На восходе Племя остановилось позавтракать в похожей на эту забегаловке, и хотя настроение было не таким уж праздничным, болтовня шла полным ходом. За пончиками с кофе парни не переставая обменивались старыми хохмами. В одной из кабинок Док разгадывал кроссворд. Остальные сгрудились вокруг него, заглядывая через плечо и подкалывая друг друга, мол, какая честь сидеть рядом с таким образованным человеком. Как и почти все они, Док успел отсидеть. Во рту его поблескивал золотой зуб, вставленный вместо выбитого полицейской дубинкой несколько лет назад. Но Док носил очки с бифокальными стеклами, а черты лица у него были аристократически тонкими. Знал он много всего: мог назвать столицу Кении или перечислить участников войны Алой и Белой роз. Рой Клоуз покосился на кроссворд и сказал:

— Лучше бы вопросы были про починку мотоциклов или про то, как девок окучивать. Например: слово из шести букв, которое обозначает то, что я делаю с твоей мамочкой. На такой вопрос я бы смог ответить.

Док нахмурился.

— Я бы сказал «раздражаю», но тут девять букв. Так что, думаю, правильно будет «гневлю».

— Гневлю? — спросил Рой, почесав в затылке. — Точно. Это значит, что от твоего вида ей плевать хочется.

— А, вот это-то меня в ней и бесит. Я ее гневлю, а она потом, зараза, не сглатывает.

Все чуть со стульев не попадали от смеха. В соседней кабинке смеялись не меньше над рассказом Персика о том, почему он решил закупорить себе яйца:

— Меня убедило вот что: за вазэктомию платишь только один раз, чего нельзя сказать об абортах. За них-то можно платить снова и снова. До бесконечности. Получается, каждый перепихон может обернуться дырой в бюджете. Поначалу этому не придаешь значения, а потом заплатишь за пару абортотворцев и подумаешь: а не нашел бы я этим деньгам лучшего применения? К тому же, спущенные в унитаз Джуниоры пагубно влияют на отношения, точно говорю. Прислушайтесь к гласу опыта, люди! — Персику даже шутки не нужны — ему надо было просто мыслить вслух, чтобы рассмешить слушателей до колик.

Теперь же Винс прошел по направлению к стойке мимо подавленных, с воспаленными глазами, товарищей и уселся рядом с Лемми.

— Как будем разруливать всю эту историю, когда приедем в Вегас? — спросил Винс.

— Да просто смоемся, не оглядываясь — ответил Лемми. — Даже не скажем никому.

Винс рассмеялся. Лемми — нет. Он поднял свой кофе, но на полпути остановился, пару секунд поглазнул на него и вернул на место.

— Что-то не так с кофе? — спросил Винс.

— Не так, но не с кофе.

— Ты же не всерьез собираешься рвать когти, так ведь?

— Не один я такой, дружище, — ответил Лемми. — Что Рой сотворил с той девчонкой в ванной?

— Она ж его чуть не подстрелила, — сказал Винс тихим, чтобы больше никто не услышал, голосом.

— Ей было всего семнадцать.

Винс не ответил, да ответа от него и не ждали.

— Большинство из этих парней ничего подобного не видели, и я думаю, что некоторые — самые умные — разбегутся на все четыре стороны, как только им представится такая возможность. Будут искать новую цель в жизни. — Винс снова рассмеялся, но Лемми только покосился на него.

— Слушай сюда, Кэп. В восемнадцать лет я убил своего брата, сев вусмерть пьяным за руль, а когда очухался, то мне в нос ударил запах его крови, которой я был перепачкан с ног до головы. Я записался в морскую пехоту, надеялся, что там я быстренько загнусь, и что моя смерть станет искуплением. Да только парни в черных пижамах мне не помогли. С той войны я помню в основном то, как воняли мои пниющие в джунглях ноги. Слово в каждом ботинке было по нужнику. Я сидел в тюрьме, как и ты, и худшим там было не то, что делал я или другие. Самым худшим оказался запах. Запах чужих подмышек и задниц. Тяжело было, да. Но это не идет ни в какое сравнение с той чарлимэнсовской хренью, от которой мы теперь сматываемся. Я до сих пор не могу избавиться от той вони, которая нахлынула после того, как все закончилось. Меня словно заперли в шкафу, в котором кто-то посрал: воздуха не хватает, а тем, что есть, дышать невозможно. — Тут он замолчал, повернулся на стуле и искоса поглядел на Винса. — Знаешь, о чем я думаю с тех пор, как мы смылись? Лон Рифус переехал в Денвер и открыл там гараж. Прислал мне открытку с Утюгами. И я тут подумал, что, может быть, ему пригодится старик, умеющий обращаться с гаечным ключом. Думаю, к запаху сосен я бы привык.

Лемми замолчал. Посмотрел на рассеявшихся по кабинкам остальных парней.

— Те, кто не свалят, будут стремиться так или иначе вернуть свое, и тебе явно не понравятся их методы. Ведь эта шизанутая бодяга с метамфой далеко не закончилась. Все только начинается. Пока они только въехали на скоростную трассу. Слишком уж много бабок крутится в этом бизнесе, чтобы просто взять и выйти из игры. Те, кто мет продают, сами же им балуются, а потом творят хер знает что. Девчонка, которая чуть не подстрелила Роя, была под кайфом, вот она и попыталась его прикончить. Рой тоже успел вмазать, вот он и рубанул ее сорок раз своим долбанным мачете. Да и кто вообще носит с собой мачете?! Только тот, кому от метамфы крышу снесло.

— Давай не будем о Рое, ладно? Я б ему с радостью засунул в жопу Малыша и посмотрел, как из глаз искры посыпятся, — сказал Винс, и на этот раз засмеялся Лемми. Придумывание всяких безумных применений для Малыша было одной из их старых хохм. — Давай, заканчивай речь. Ты ж весь последний час только о ней и думал.

— С чего ты взял?

— А то я не знаю, что это значит, когда ты сидишь на байке так, словно жердь проглотил.

Лемми крикнул.

— Рано или поздно копы повяжут Роя или кого-нибудь из остальных нариков, а те уже потянут за собой всех, потому что Рою и ему подобным не хватает мозгов, чтобы слить дерьмо, которое они крадут с места преступления. На замке рот они держать не способны и обо всем рассказывают своим подружкам. Блин, да у половины из них сейчас с собой наркота. Я все сказал.

Винс поскреб бородатую щеку.

— Ты тут говорил, что, мол, одна половина свалит, а другая останется. Можешь сказать, к какой из них относится Лихач?

Лемми повернулся и невесело улыбнулся, обнажив щербатый зуб.

— Ты что, серьезно?

Цистерна с надписью «БЕРЕЗНЯК» на борту медленно тащилась в гору, когда они нагнали ее где-то в три пополудни.

Шоссе лениво взбиралась по длинному подъему и изобиловало крутыми, извилистыми поворотами, которые мешали обгону. Колонну снова возглавлял Лихач. После того, как Племя покинуло забегаловку, он сразу же умчался вперед, иногда настолько отрываясь от остальных, что Винс терял его из виду. Когда они догнали фуру, его сын сидел у той на хвосте.

Один за другим, все десять членов банды взбирались по склону за нефтевозом. От жара и дыма глаза у Винса слезились.

— Блядская фура, — крикнул он Лемми. Тот кивнул. От выхлопных газов Винс едва мог дышать, и он почти ничего перед собой не видел.

— Да убери ты с дороги свою долбаную цистерну! — проорал Винс.

Вообще-то, странно, что они так быстро ее догнали, ведь от забегаловки они успели отъехать не так уж и далеко... миль на двадцать, не больше. Наверное, БЕРЕЗНЯК останавливался где-то еще, да только останавливаться было особо негде. Может, притормозил вздремнуть под каким-нибудь рекламным щитом. Или спустило колесо, и ему пришлось его заменить. Да какая разница? Никакой. Винс даже не понимал, почему он над всем этим размышляет, но что-то не давало ему покоя. Сразу после очередного

поворота, Лихач наклонил свой «Софтейл Дьюс», выехал на встречную полосу и, пригнувшись, ускорился с тридцати миль в час до семидесяти. Мотоцикл сначала присел, потом подпрыгнул. Обогнав фуру, Лихач тут же вернулся на правую полосу, едва разминувшись со светло-желтым «лексусом», который несся ему навстречу. Водитель «лексуса» яростно посигналила, но ее жалкий «бип-бип» почти сразу потонул в бешеном вое гудка нефтевоза.

Винс тоже увидел «лексус» и успел подумать, что его сын непременно с ним столкнется: вот вам Лихач, а вот вам безжизненный кусок мяса на дороге. Когда все обошлось, его сердцу понадобилось несколько мгновений, чтобы хоть немного успокоиться.

— Чертов псих! — заорал Винс Лемми.

— Ты про фуру?! — прокричал в ответ тот, когда вой наконец-то стих. — Или про Лихача?!

— Про обоих!

Обогнув следующий поворот, Березняк, казалось, одумался. Или просто удосужился посмотреть в зеркало заднего вида и увидеть ревущее сзади Племя. Он высунул руку из окна — загорелую, со вздутыми венами, большими костяшками и широкими пальцами руку — и взмахом показал, что можно идти на обгон.

Рой с двумя другими тут же выехали на встречную и с грохотом унеслись вперед. Остальные поехали парами. При пустой встречной полосе, обогнать фуру было плевым делом: та еле плелась на своих тридцати милях в час. Винс с Лемми пошли на обгон последними, успев завершить маневр до следующего поворота. По пути Винс взглянул на водителя, но кроме свисающей из окна загорелой руки ничего не увидел. Пять минут спустя они вырвались вперед настолько, что даже гул нефтевоза остался позади.

Они выехали на отрезок пустынного плоскогорья, поросшего шалфеем и сагуаро. Вдалеке по правую руку виднелись полосатые красно-желтые утесы. Ехали они теперь по направлению к солнцу, а их все удлиняющиеся тени неотступно следовали за ними. Мимо пронеслось некое жалкое подобие городка, состоящее из нескольких домов и трейлеров. Колонна, замыкали которую Винс и Лемми, растянулась почти на полмили. Не успели они далеко отъехать от городка, как впереди Винс увидел, что Племя сгрудилось на обочине, прямо перед перекрестком с поворотом на 6-е шоссе.

К западу от перекрестка, трасса, по которой они ехали до этого, превращалась в грунтовку. На оранжевом ромбовидном знаке было написано: «СЛЕДУЮЩИЕ 20 МИЛЬ ВЕДУТСЯ ДОРОЖНЫЕ РАБОТЫ. ГОТОВЬТЕСЬ К ОСТАНОВКЕ». Вдалеке виднелись самосвалы и грейдеры. В тучах красной глиняной пыли трудились ремонтники.

О работах Винс понятия не имел, потому что утром они ехали не этим путем. Возвращаться окольными дорогами предложил Лихач, а Винс и не возражал. Когда вы сматываетесь после двойного убийства, такая вот осторожность вам явно на руку. Да только Лихач-то руководствовался совсем другим.

— В чем дело? — спросил Винс, остановив мотоцикл и опустив ногу на землю. Как будто он не знал!

Лихач указал в сторону 6-ой трассы.

— Поедем по шестой, а дальше свернем на сороковую федералку.

— На Шоу Лоу, — сказал Винс. — И почему это меня не удивляет?

Тут в разговор вклинился Рой Клоуз, указав большим пальцем на самосвалы.

— По-любому лучше, чем тащиться на пяти милях в час следующие двадцать. Нет уж, спасибо. Я лучше поеду с ветерком, а по дороге, может быть, прихватчу шестьдесят штук. Так я думаю.

— Было больно? — спросил Лемми Роя. — Я слышал, что думать по первому разу больно. Как девчонке, когда ей целку срывают.

— Пошел ты, Лемми, — ответил тот.

— Рой, когда мне будет нужно, чтобы ты подумал, — сказал Винс, — я тебя попрошу. Но не слишком-то на это рассчитывай.

Лихач заговорил снова тихим, рассудительным голосом:

— Когда доберемся до Шоу Лоу, с нами можешь не оставаться. Да и другие тоже. Никто слова не скажет, если ты просто решишь ехать дальше.

Понятно.

Винс переводил взгляд с одного лица на другое. Молодые глаз не отвели. Мужики постарше, которые рассекали с ним десятилетиями, смотрели кто куда.

— Рад слышать, что никто слова против меня не скажет, — сказал Винс. — А то я уже заволновался.

В голове мелькнуло воспоминание: они с сыном ночью едут в машине, в винсовом «ГТО», в те времена, когда он еще не оставил попыток зажить по-человечески и стать примерным семьянином. Ради Мэри. Подробности той поездки уже стерлись из памяти: Винс не мог вспомнить, куда или откуда они ехали. Помнил только, как смотрел в зеркало заднего вида на запыленное, угрюмое лицо десятилетнего сына. Они остановились у киоска с гамбургерами, но ребенок обедать не захотел, сказал, что не голоден. Ему хотелось фруктового мороженого на палочке, но когда он увидел, что Винс принес лаймовое вместо виноградного, то надулся еще больше. Есть мороженое он отказался, и оно так и растаяло на кожаном сидении. Уже потом, когда они отъехали от киоска миль на двадцать, Лихач сообщил, что в животе у него урчит.

Винс посмотрел в зеркало на сына и сказал:

— Знаешь, хоть я и твой отец, но любить тебя я не обязан. — Ребенок глядел на него, едва сдерживая слезы, на подбородке от усилий появилась ямочка. Но взгляд отводить он отказывался. Смотрел на отца ясными, ненавидящими глазами. И зачем Винс тогда это сказал? В голове промелькнула мысль, что если бы он умел разговаривать с сыном по-другому, то не было бы ни Фаллуджи, ни позорного увольнения из армии за то, что тот бросил свой отряд и смылся на «хаммере», пока вокруг падали минометные снаряды; не было бы ни Дина Кларка, ни метлаборатории, и парень не чувствовал бы постоянной потребности вырываться вперед на своей понтовой лошадке, делая семьдесят миль в час, тогда как остальные — только шестьдесят. Именно его, Винса, сын пытался оставить позади. Как пытался всю свою жизнь.

Прищурившись, Винс посмотрел назад, туда, откуда они приехали... и снова увидел чертов нефтевоз. Он разглядел его сквозь дорожное марево, отчего фура казалась эдаким полумиражом со своими вздымающимися над кабиной трубами и серебристой решеткой. БЕРЕЗНЯК. Или РЕЗНЯ, если вам захотелось пофрейдствовать. Винс нахмурился, отвлекшись от своих мыслей, и снова подумал о том, каким образом им удалось догнать и обогнать мужика, который выехал из забегаловки почти за час до них.

Когда заговорил Док, голос его казался на редкость смущенным.

— А, может, так и сделаем, босс? Всяко лучше, чем тащиться двадцать миль по этой грязище.

— Что ж, я не хочу, чтобы кто-нибудь из вас запачкался, — ответил Винс, выехал на дорогу, завел мотор и повернул на 6-е шоссе в сторону Шоу Лоу.

Далеко позади он слышал, как фура меняет передачи, как ее двигатель рычит все громче и громче, изредка подвывая, пока та неслась через равнину.

Местность вокруг покрывал красно-желтый камень, а узкое двухполосное шоссе пустовало. Обочин не было. Племя взобралось на подъем, а затем начало спускаться в каньонное ущелье по пологому склону. Слева проносилось обветшалое ограждение, справа — почти отвесный скальный массив.

Некоторое время Винс ехал впереди рядом с Лемми, но потом Лемми отстал, а его место занял Лихач. Теперь отец с сыном ехали бок о бок. Черные и длинные, как у кинозвезды, волосы Лихача развевались на ветру. В его зеркальных очках пылало заходящее солнце.

Винс изредка посматривал на него уголком глаза. Худой и жилистый, Лихач казался агрессивным даже когда просто сидел в седле. Не говоря уже о поворотах, когда он наклонял байк на сорок пять градусов, едва не касаясь асфальта. Винс завидовал его природной спортивной грации, но в то же время Лихач умудрялся водить мотоцикл так, что казалось, будто он выполняет какую-то тяжелую работу. Сам-то Винс любил это дело как раз за то, что от работы оно отстояло на световые годы. Винс лениво раздумывал, бывает ли Лихачу когда-нибудь комфортно с самим собой и с тем, чем он занимается.

Услышав оглушительный рев огромного двигателя, Винс обернулся и посмотрел назад,

чтобы увидеть, как фура несется на них во весь опор, словно тигр, вырвавшийся из своего укрытия у водополя и кинувшийся на нерасторопных газелей. Как и всегда, Племя ехало группами по несколько человек, вписываясь в кривые на сорока пяти милях в час. Нефтевоз же развил никак не меньше шестидесяти. «Он не снижает скорости», успел подумать Винс, и тут БЕРЕЗНЯК врезался в группу из трех мотоциклов в конце колонны с разрывающим барабанные перепонки лязгом стали о сталь.

Мотоциклы разлетелись. Один из «харлеев» отбросило на скальную стену, а его владелец — Джон Киддер, известный также как Крошка Джон — вылетел из седла и ударился о камни, от которых он отскочил и исчез под металлокордными шинами фуры. Другого байкера (*о, нет, только не Дока*) вынесло на встречную полосу. Винс мельком успел увидеть его бледное и ошарашенное лицо. Во рту блеснул золотой зуб, которым Док так гордился. Бешено виляя, Док врезался в ограждение и перелетел через руль. «Харлей» полетел вслед за ним. Ящик над задним колесом разлетелся вдребезги, разметая повсюду одежду. Фура сжевала упавшие мотоциклы. Огромная передняя решетка, казалось, ухмылялась.

Тут Винс с Лихачом обогнули очередной поворот, и страшная картина осталась позади.

К сердцу прилила кровь, и на мгновение Винс почувствовал в груди опасное покалывание. Ему пришлось побороться за следующий вдох. Как только побоище скрылось из виду, стало трудно поверить, что оно действительно случилось. Трудно поверить, что попавшие под колеса нефтевоза мотоциклы не смели его с трассы. Трудно или нет, но едва они успели обогнуть поворот, как прямо перед ними на дорогу шлепнулся Док. Сверху на него с оглушительным лязгом обрушился его мотоцикл. Следом полетела одежда. Джинсовая безрукавка Дока спустилась последней, раскрывшись парашютом в восходящих потоках воздуха. Над вышитым золоченой нитью контуром Вьетнама виднелась надпись: **КОГДА Я ПОПАДУ НА НЕБЕСА, МЕНЯ СРАЗУ ВПУСТЯТ, ПОТОМУ ЧТО В АДУ Я УЖЕ ПОБЫВАЛ. ЖЕЛЕЗНЫЙ ТРЕУГОЛЬНИК 1968.** Так получилось, что одежда, ее хозяин и байк хозяина свалились с верхней скальной террасы, и, пролетев семьдесят футов, упали на проходящую под ней дорогу.

Винс резко крутанул руль, огибая место крушения и пройдясь каблуком ботинка по залатанному асфальту. Док Реджис, его друг последние тридцать лет, превратился в слово из шести букв, обозначающее лубрикант: смазку. Док упал лицом вниз, но в лужице крове у левого уха блестели его зубы. Среди них был и золотой. Кости голени проткнули ему ноги и теперь торчали из штанин кровавыми штырями. Все это Винс увидел в считанные мгновения и тут же пожелал разувидеть. В горле начались рвотные позывы, а когда Винс сглотнул, то почувствовал кислотный привкус желчи.

Лихач объехал с другой стороны груды мяса и обломков, в которую превратился Док с его мотоциклом. Он посмотрел на Винса, и хотя тот не видел его скрытых за зеркальными стеклами очков глаз, на лице Лихача застыло выражение шока... как у маленького ребенка, которому уже давно пора бы спать, но который застал родителей за просмотром кровавого ужастика.

Винс оглянулся и увидел, как остатки Племени появляются из-за поворота. Теперь их всего лишь семеро. За ними с воем показалась фура. Поворот она преодолела так быстро, что цистерну резко занесло в сторону и казалось, что она вот-вот опрокинется. Из-под тершихся об асфальт шин валил дым. Наконец, нефтевоз выровнялся и понесся еще быстрее, сбив Эллиса Харбисона. Эллиса подбросило высоко в воздух, словно с трамплина для ныряния. Он казался чуть ли не смешным, бешено мотая руками на фоне синего неба, по крайней мере, до тех пор, пока не упал и не исчез под колесами нефтевоза. Байк Эллиса несколько раз перевернулся, а потом восемнадцатиколесник просто смел его с дороги.

Краем глаза Винс увидел Дина Кэру в то мгновение, когда фура добралась и до него, вмазавшись в заднее колесо его мотоцикла. Байк встал не переднее колесо. Дин свалился с него и закувыркался по шоссе на скорости в пятьдесят миль в час, сдирая кожу об асфальт. Голова его снова и снова билась о дорогу, оставляя на покрытии кровавые знаки препинания.

Секундой позже фура сожрала мотоцикл — слышались лязг, стук, скрежет — и

лоурайдер, за который Дин все еще вносил платежи, взорвался, раскрывшись куполом огня под днищем нефтевоза. В спину Винсу ударила волна жара и толкнула его вперед, угрожая выбить из седла. Он уж было подумал, что за мотоциклом взорвется сам нефтевоз, что его сметет с дороги ударом вспыхнувшей цистерны. Но тот не взорвался. Фура прогремела сквозь языки пламени, лишь закоптив бока в вырывающемся из-под днища черном дыму, но больше никаких повреждений она не претерпела — наоборот, она помчалась еще быстрее. Винс знал, что «Маки» быстрые — у новых моделей под капотом бесновались 485 лошадок, но этот монстр...

Разогнанный он, что ли? Можно ли вообще поставить турбонаддув на хренов семитрейлер?

Винс ехал слишком быстро, чувствовал, что переднее колесо уже начинает повливать. Спуск заканчивался, дальше шла ровная дорога. Лихач ехал немного впереди него. В зеркале заднего вида Винс видел остальных выживших: Лемми, Персика и Роя. А тем временем нефтевоз снова пошел на сближение.

На подъеме они бы оторвались от него без проблем, да только подъемов не было, и если память Винсу не изменяла, не будет еще миль двадцать. Следующим под колеса попадет Персик, Персик, который по-настоящему смешил именно тогда, когда старался быть серьезным.

Персик в панике оглянулся назад через плечо, и Винс знал, что он увидел: хромированный утес, который неумолимо приближался.

«Блядь, да придумай же что-нибудь. Выведи их из этой передрыги».

Вывести остальных мог только он, Винс. Лихач ехал нормально, но делал он это явно на автопилоте, лицо застыло, взгляд устремлен строго вперед, словно он вывихнул шею и ему надели фиксатор. В голове мелькнула мысль — жуткая, но вместе с тем вполне логичная — что именно так выглядел Лихач в Фаллудже, когда сбежал, оставив свой отряд на милость минометных снарядов.

Персик добавил скорости и немного оторвался от фуры. Та словно бы возмущенно загудела. А, может, засмеялась? Как бы то ни было, старый добрый джорджийский Персик лишь ненадолго отсрочил свою казнь. Винс слышал, как водитель фуры — то ли Березняк, то ли сам дьявол из Ада — меняет передачи. Черт, да сколько ж их у него? Сотня? Нефтевоз пошел на сближение, и Винс не думал, что на этот раз Персику удастся оторваться. Его старенький «бизер» сделал все, что мог. Либо его догонит фура, либо сначала у него полетит головной сальник, и уже *тогда* фура его догонит.

БРОНК! БРОНК! БРОНК-БРОНК-БРОНК!

...прорезало день, который итак уже испоганили дальше некуда... но Винсу в голову пришла идея. Зависела она от того, где они сейчас находились. Эту дорогу Винс знал, как, впрочем, и все остальные дороги в здешних окрестностях, но он не ездил этим путем уже много лет, и поэтому не смог сходу определить, в какой именно точке они сейчас проезжали.

Рой бросил назад через плечо какой-то сверкнувший на солнце предмет. Предмет ударился о лобовое стекло БЕРЕЗНЯКА и отлетел в сторону. Мачете, мать его. Нефтевоз как ни в чем не бывало мчался вперед, выпуская два потока черного дыма. Водитель снова приложился к гудку:

БРОНК-БРОНК! БРОНК! БРОНК-БРОНК-БРОНК!

Серии гудков странно походили на азбуку Морзе.

Только бы... Боже, только бы...

И да: впереди показался дорожный знак, такой грязный, что надпись на нем едва читалась. КУМБА 2.

Кумба! Кумба, так ее растак! Умирающий шахтерский поселок на склоне холма. Пять игральные автоматы да старикан, который торгует одеялами навахо, сделанными в Лаосе.

Две мили — кот заплакал, если вы уже мчитесь на восьмидесяти. Действовать надо быстро и четко, потому что второго шанса не предоставится.

Парни все время посмеивались над скакуном Винса, но лишь в насмешках Лихача чувствовалась некая злоба. Мотоцикл — переделанный «Кавасаки Вулкан 800» с трубами от «Кобры» и сделанным на заказ сиденьем, которое Дин Кэру как-то назвал

стариковским креслицем.

«Да имел я его», — возмущенно ответил на это Винс, а когда Персик с торжественно-серьезной, как у священника, миной сказал «не сомневаюсь», все дружно заготовали.

Конечно же, все в Племени называли его мотоцикл рисоедом. А еще винсовым Тохо Мохо Эль Рохо. Док — Док, которого успел размазать по всей дороге нефтевоз — любил называть его мисс Фудзиямой. Винс только посмеивался, словно ему было известно нечто, остальным неведомое. Может, так оно и было. Он разгонял свой «Вулкан» до ста двадцати миль в час, но дальше не пошел. Зассал. Лихач бы на этом не остановился, но Лихач еще молод, а молодежь все любит проверять на прочность. Винс же удовлетворился и ста двадцатью, но знал, что его байк способен на большее. Теперь ему предстояло проверить это на практике.

Он схватил ручку газа и выжал до упора.

«Вулкан» отозвался не ревом, а каким-то криком и почти что вырвался из-под него. Винс едва заметил, как мимо промелькнуло побелевшее лицо сына, и вот он уже впереди, несется на ракете, а в нос ему бьют запахи пустыни. Впереди показалась грязная полоса асфальта, сворачивающая влево. Дорога на Кумбу. Шестое шоссе в этом месте лениво отклонялось вправо. На Шоу Лоу.

Посмотрев в правое зеркало, Винс увидел сбившихся в группу остальных. Персик все еще держался в седле. Винс думал, что фура могла достать Персика, может, и всех остальных тоже, но тот все же слегка притормозил, зная не хуже Винса, что следующие двадцать миль подъемов не будет. После съезда на Кумбу шоссе приподнималось над обочинами, и по обоим его краям бежали ограждения; Винс невесело представил себе коров в расколе. Следующие двадцать миль дорога принадлежала БЕРЕЗНЯКУ.

«Господи, пусть это сработает».

Винс отпустил газ и начал ритмично нажимать на тормоз. Остальные (если, конечно, они на него смотрели) видели вот что: длинная вспышка... короткая... снова длинная. Пауза. Затем повтор: длинная... короткая... длинная. Идею эту ему подал гудок нефтевоза. Но те лишь напоминали азбуку Морзе, тогда как то, что выделял тормозами Винс, как раз Морзе и являлось.

То была буква «П».

Рой с Персиком, скорее всего, поймут, Лемми так точно. А Лихач? Обучают ли еще молодежь азбуке Морзе? Выучил ли ее Лихач на войне, где у каждого командира отделения был теперь с собой GPS, а бомбы наводились через полмира с помощью спутников?

Левый съезд на Кумбу приближался. Винс успел высветить букву «П» еще один раз. Теперь он уже почти поравнялся с остальными. Винс выбросил левую руку в прекрасно знакомом Племени жесте: съезжаем с трассы. Березняк это увидел — как и ожидал Винс — и рванул вперед. Одновременно с ним Винс снова выкрутил до упора ручку газа. «Вулкан» взрыкнул и прыгнул вперед. Винс сдал вправо, оставшись таким образом на главной дороге. Остальные последовали за ним. Но не фура. Березняк вошел в поворот на Кумбу. Попытайся водитель изменить курс — нефтевоз бы попросту перевернулся.

Винс почувствовал прилив чистого возбуждения и невольно сложил левую руку в победный кулак. *У нас получилось! Получилось, мать вашу! К тому времени как тот развернет свою толстозадую цистерну, мы уже будем дале...*

Мысль обломалась, словно ветка, когда он посмотрел в зеркало заднего вида. За ним ехало только трое, а не четверо: Лемми, Персик и Рой.

Винс повернулся влево, слыша, как в спине захрустели кости, и уже зная, что он увидит. И он увидел. Фура мчалась по пустыне, таща за собой петушиный хвост из красной пыли, цистерна испачкалась так, что даже на солнце блестеть она не могла. Но где-то в пятидесяти ярдах впереди нее кое-что блестело: хромированные трубы и двигатель «Софтейл Дьюс». Лихач то ли не понял азбуки Морзе, то ли не поверил своим глазам, то ли вообще ничего не увидел. Винс вспомнил бледное, застывшее лицо сына и подумал, что последнее ближе всего к истине. Лихач перестал их замечать — перестал *видеть* — как только понял, что БЕРЕЗНЯК — не просто вышедший из-под контроля нефтевоз, но настроенное на уничтожение Племени чудовище. Лихача хватило на то, чтобы увидеть жест Винса, а вот все остальное ему помешало заметить надетые им шоры.

Что это было? Паника? Или какой-то животный эгоизм? А может, если на то пошло, это одно и то же?

«Харлей» Лихача скрылся за невысоким холмом. За ним исчезла и фура, оставив за собой только клубы пыли. Винс попытался обуздать свои мысли и привести их в некое подобие порядка. Если память снова его не подводила (Винс знал, что требует от нее слишком многого, ведь он не ездил по этой дороге уже пару лет), то ответвление на Кумбу проходило через поселок, а затем снова вливалось в 6-ое шоссе милях в девяти отсюда. Если Лихач продержится...

Только вот...

Только вот, если ничего не изменилось, за Кумбой дорога переходила в грунтовку, которую в это время года вполне могло замести песком. Фура то проедет без проблем, а вот мотоцикл...

Шансы пережить последние четыре мили этого девятимильного пробега у Лихача были небольшие. А вот шансы перевернуться на своем «Дьюсе» и попасть под колеса нефтевозу были, напротив, отличными.

Голову заполнили воспоминания. Маленький Лихач на велосипеде, детсадовский воин дорог. Лихач, глядящий на него с заднего сидения «ГТО», пока рядом тает мороженое. Глаза горят ненавистью, нижняя губа дрожит. Восемнадцатилетний Лихач в военной форме и с играющей «идите все на...» улыбкой на лице. Все, мол, схвачено, все под контролем.

И, наконец, лежащий мертвым на грунтовке Лихач, раздавленная кукла, которая не распадается только благодаря косяке и кожаным штанам.

Винс отмахнулся от образов — пользы от них никакой. На полицейских тоже надеяться нечего. Не было в Кумбе полицейских. Может, если кто-нибудь увидит, как за

мотоциклом гонится нефтевоз, то позвонит в полицию штата. Да только ближайший коп сидит, наверное, в Шоу Лоу, попивает кофе, ест пирог и флиртует с официанткой под музыку Трэвиса Тритта из музыкального автомата.

Так что рассчитывать приходилось только на себя. Ничего нового.

Он выкинул руку вправо, сложил ее в кулак и побил им по воздуху. Остальные трое тут же поравнялись с ним. Двигатели бешено режут, над выхлопными трубами рябит жаркий воздух.

Лемми пристроился рядом. Лицо у него было измученное и желтушное.

— Он не увидел твоих сигналов, — прокричал он.

— Не увидел или не понял! — проорал в ответ Винс. Он дрожал. Может, это из-за трясущегося под ним мотоцикла. — Теперь без разницы! Пришло время для Малыша!

Поначалу Лемми не понял, о чем речь. Затем наклонился и дернул за ляжки правой седельной сумки. Модные пластиковые ящики — это не для Лемми. Олдскулен до мозга костей.

Лемми все еще копался в сумке, когда раздался оглушительный рев. Рой. У Роя окончательно сдали нервы. Он развернулся и понесся обратно на восток, его тень, эдакий человек-худышка, бежала теперь впереди него. На спине его кожаной жилетки виднелась невеселая шутка: **НЕ ОТСТУПАТЬ И НЕ СДАВАТЬСЯ.**

— Вернись, падла! — заорал Персик, рука его соскользнула со сцепления. «Бизер», все еще на передаче, рванул вперед, едва не проехавшись Винсу по ноге, плюнул высокооктаном и заглох. Персика чуть не выбросило из седла, но он, казалось, этого не заметил. Он все еще смотрел назад, потрясая кулаком, его жидкие седые волосы развевались вокруг узкой, продолговатой головы. — Вернись, падла ссыкливаяяя!!!

Но Рой не вернулся. Он даже не оглянулся.

Персик повернулся к Винсу. По его избитым бесконечным солнцем и пивом щекам текли слезы. В эту минуту он выглядел старше самой пустыни.

— Ты сильнее меня, Винс, но дырка в заднице у меня побольше. Ты оторвешь ему голову, а я уж в него напру.

— Быстрее! — крикнул Лемми Винс. — Быстрее, чтоб тебя!

И когда он уже думал, что Лемми ничего не найдет, его приятель выпрямился, держа Малыша в одетой в перчатку руке.

Племя не рассекало по дорогам с оружием. Такие байкеры-незаконники, как они, с

оружием не ездят. У всех были судимости, и любой невадский коп с радостью засадит кого-нибудь из них на тридцать лет за незаконное ношение оружия. Или всех сразу. Ножи они носили, но в их теперешнем положении от ножей проку не было: вспомните, что случилось с роевым мачете, который оказался таким же бесполезным, как и сам Рой. Он годился лишь для убийства маленьких обдолбанных девочек в школьных свитерах.

Малыш же хоть и не был полностью легальным, оружием как таковым не являлся. И когда однажды его увидел коп (легавых хлебом не корми — дай «поискать наркотики»), то оставил Лемми в покое, когда тот объяснил, что в случае ночной аварии Малыш будет понадежнее аварийной вспышки. Может, коп понял, что перед ним, может, нет, но он явно узнал в Лемми ветерана. Не по ветеранскому номерному знаку (тот всегда можно украсть), но потому, что он и сам был ветераном. «Долина А-Шау, где дерьмо пахнет слаще», — сказал коп, и они оба рассмеялись, а напоследок даже ударились кулаками.

Малыш представлял собой светошумовую гранату модели М84, более известной под именем световуха. Лемми носил ее в седельной сумке уже лет пять, неизменно говоря, что однажды она пригодится, когда парни (включая Винса) подкалывали его.

И вот этот день настал.

— Думаешь, старая хреновина сработает? — прокричал Винс, повесив Малыша на руль. На гранату тот совсем не походил. Больше напоминал гибрид термоса с аэрозольным баллончиком. Гранату в нем выдавала только чека, привязанная к боку изолентой.

— Не знаю! Я даже не знаю, как ты...

У Винса не осталось времени на обсуждение логистики, о которой, к тому же, у него было весьма смутное представление.

— Я поехал! Скоро этот мудака проедет Кумбу и вернется на главную! И я буду там, когда он появится!

— А если не появится Лихач? — спросил Лемми. До этого они орали как оглашенные под действием адреналина. Заданный почти нормальным тоном вопрос оказался неожиданностью.

— Будь что будет, — сказал Винс. — Вы со мной ехать не обязаны. Если захотите повернуть назад, я пойму. Это мой сын.

— Может, и так, — ответил Персик, — но Племя-то наше. По-крайней мере, было. — Он с силой ударил по стартеру, и мотоцикл заурчал. — Я еду с тобой, Кэп.

Лемми только кивнул и указал на дорогу.

Винс тронулся с места.

Выезд из Кумбы на шоссе оказался ближе, чем предполагал Винс: до него оказалось семь, а не девять миль. По дороге они не встретили ни грузовиков, ни легковушек. Шоссе пустовало. Может быть, потому, что водители избегали его из-за строительных работ. Винс все время поглядывал налево. Некоторое время он видел только клубы красной пыли: фура, казалось, тащила за собой полпустыни. Затем исчезли и они — дорога скрывалась из виду за рядами холмов с изъеденными ветром известковыми склонами.

Малыш болтался туда-сюда на своей петле. Армейский запас. «Думаешь, старая хреновина сработает?» — спросил тогда Винс Лемми, и только теперь понял, что можно задать тот же вопрос в отношении его самого. Как давно он испытывал себя на прочность, мчась на полную катушку, выжав газ по максимуму? Сколько времени прошло с тех деньков, когда весь мир сводился к простому выбору: живи красиво или умри, смеясь? И как так получилось, что его собственный сын, который выглядел таким крутым в своей новой кожанке и зеркальных очках, упустил такое простейшее уравнение.

Живи красиво или умри, смеясь. Но бежать не смей. Не смей, черт тебя возьми.

Может, Малыш сработает, может, нет, но Винс знал, что он в любом случае попытается, и от этого голова у него кружилась. Если водила наглухо закрылся в кабине, то дело плохо, но ведь там, в забегаловке, окно он открыл, свесив из него руку. А потом, позже, разве он не дал им взмахом руки разрешение на обгон? Верно, дал.

Семь миль. Пять минут, плюс-минус. Достаточно для уймы воспоминаний о сыне, которого отец научил менять масло, но не научил насаживать наживку на крючок, регулировать зазор в свечах зажигания, но не как отличить отчеканенную в Денвере

монету от сделанной в Сан-Франциско. Время подумать, как Лихач настоял на этой идиотской затее с метамфетамином, и как Винс пошел у него на поводу, хотя и знал, что она идиотская, пошел потому, что чувствовал себя в чем-то виноватым. Вот только время примирений ушло. Винс мчался на восьмидесяти пяти милях в час, согнувшись как можно ниже, чтобы уменьшить сопротивление воздуха. И тут в голове его пронеслась мысль, от которой он внутренне отпрянул, но поделать с ней ничего не мог: что, может быть, для всех будет лучше, если БЕРЕЗНЯК таки наступит его сына. Эту мысль вызвал не образ Лихача, поднимающего в воздух лопату и обрушивающего ее на голову беззащитного человека с яростью избалованного ребенка по поводу утраченных денег, хотя и эта картинка весьма пугала. Было еще кое-что: то застывшее, пустое выражение на лице парня перед тем, как он по ошибке свернул на Кумбу. Сам-то Винс не мог не оглядываться на своих товарищей там, на спуске по каньону, когда одни попадали под колеса, а другие пытались оторваться от преследующей их огромной машины. Лихач же, казалось, не мог повернуть свою закосневшую шею. Не на что ему было смотреть. Может, не было никогда.

Сзади послышалось громкое ба-бах, а затем крик, который долетел до Винса даже сквозь вой ветра и рев двигателя «Вулкана»: «Су-укин СЫН!». Винс посмотрел в зеркало и увидел, что Персик начал отставать. Из-под худых ног валил дым, а позади него дорогу веером пачкало масло. След становился все шире по мере того, как мотоцикл замедлялся. У «бизера», наконец, полетел передний сальник. Просто чудо, что этого не случилось раньше.

Персик взмахом руки приказал им двигаться дальше... да Винс и не собирался останавливаться, ведь на самом деле вопрос об исправимости Лихача не имел особого смысла. Самого Винса уже не исправить. Да и никого из них. Винс вспомнил, как однажды их остановил аризонский коп. Остановил и сказал: «Поглядите-ка, что нам тут выблевала дорога». Так вот дорожная блевотина они и есть. Но ведь те раскиданные вдоль шоссе трупы были до сего дня его дорожными товарищами, тем единственным, чем Винс по-настоящему дорожил. Они были ему как братья, а Лихач — его сын. Никто не может так просто втоптать всю семью человека в землю, а потом жить дальше, как ни в чем не бывало. Нельзя всех растерзать, а потом просто взять и уехать. Если БЕРЕЗНЯК этого не знал, то узнает.

И очень скоро.

Лемми не мог угнаться за Тоху Мохо Эль Рохо, отставая все больше и больше. Ничего страшного. Винс радовался, что Лемми все еще прикрывает ему спину.

Впереди показался знак: **ОСТОРОЖНО! БОКОВАЯ ДОРОГА СЛЕВА**. Дорога из Кумбы. Грунтовка, чего Винс и опасался. Винс сбавил скорость, затем остановился и заглушил мотор.

Лемми подъехал и остановился рядом. В этой части шоссе ограждений не было. Именно здесь, в месте, где дорога из Кумбы вливалась в 6-е шоссе, оно шло вровень с пустыней, хотя не так уж далеко впереди оно снова приподнималось, превращаясь в раскол для скота.

— Теперь будем ждать, — сказал Лемми, выключая двигатель.

Винс кивнул. Пожалел, что бросил курить. Он сказал себе, что либо Лихач выдержит и удержится в седле, либо нет. Тут Винс ничего не мог поделать. Чистая правда, но помогала она не очень.

— Может, в Кумбе у него получится свернуть с дороги, — сказал Лемми, — авось, попадетсЯ какой-нибудь переулок, в котором фуре не проехать.

— Вряд ли. Кумба — мелочевка. Заправка да пара домов у вшивого холма. Плохая это дорога, по крайней мере, для Лихача. Негде съехать. — Винс даже не попытался рассказать Лемми про то пустое, застывшее выражение на лице Лихача, которое говорило о том, что он ничего не видит кроме дороги прямо перед собой. Да он через Кумбу промчится и не заметит.

— Может... — начал было Лемми, но Винс поднял руку и прервал его. Они повернули головы влево.

Первым они услышали нефтевоз, и сердце Винса упало. Но тут через гул продрался звук еще одного мотора. Работающий на полную мощность двигатель «харлея» трудно

с чем-то спутать.

— У него получилось! — закричал Лемми, и поднял руку на «дай пять». Винс не дал. Не хотел спугнуть удачу. И, кроме того, парню еще предстояло свернуть на шоссе. Если с ним что-нибудь случится, то именно там, на повороте.

Прошла минута. Звук моторов усилился. Прошла вторая: теперь они уже видели, как над самыми ближними холмами поднимаются клубы пыли. И тут в просвете между двумя холмами на хrome сверкнуло солнце. На мгновение показался сам Лихач. Он почти лежал на руле, длинные его волосы струились на ветру. Потом он снова скрылся, а секунду спустя в просвете промелькнула фура, выплевывая из труб дым. Надписи «БЕРЕЗНЯК» на борту цистерны исчезла: она скрылась под толстым слоем пыли.

Винс ударил ногой по стартеру, и мотор ожил. Выжал газ, заставив раму завибрировать.

— Удачи, Кэп, — сказал Лемми.

— Винс хотел было ответить, но тут его захлестнули такие сильные и неожиданные эмоции, что сперло дыхание. Поэтому он просто благодарно кивнул Лемми и тронулся в путь. Лемми не отставал. Он, как всегда, прикрывал Винсу спину.

Разум Винса превратился в компьютер, пытаясь просчитать скорость и расстояние. Все должно быть выполнено четко и вовремя. Он ехал к перекрестку на пятидесяти, снизил до сорока, затем снова выжал газ, как только показался Лихач. Тот обогнул заросли перекасти-поля, и пару раз его мотоцикл даже оказывался в воздухе, подпрыгивая на кочках. Фура мчалась не больше, чем в тридцати футах от него. Приблизившись к тому месту, где дорога из Кумбы снова соединялась с главной, Лихач сбавил скорость. Просто не мог не сбавить. БЕРЕЗНЯК тут же ринулся вперед, пожирая разделявшее их расстояние.

— Давай, гони!!! — заорал Винс, зная, что за ревом фуры Лихач его не услышит. И все равно он крикнул еще разок:

— Иди в отрыв! Не тормози!

Водитель фуры намеревался ударить «харлей» в заднее колесо и вывести тот из равновесия. Байк Лихача ворвался на главную, слегка захлебнувшись. Лихач резко наклонился влево, удерживая руль кончиками пальцев. Выглядел он, как всадник-трюкач на вышколенном мустанге. Нефтевозу так и не удалось задеть заднее крыло, тупоногая его морда нашла лишь воздух там, где за долю секунды до этого находилось заднее колесо «харлея»... но поначалу Винс подумал, что Лихач все равно потеряет управление и не удержится в седле.

Он удержался. По скоростной дуге его отнесло к дальнему краю 6-го шоссе, так близко к убийственной обочине, что из-под колес взметнулось облако пыли. И вот он уже несется на всех парах в сторону Шоу Лоу.

Гремя и подсакивая на выбоинах, фура ушла в пустыню на разворот. Водитель переключал на нижние передачи так быстро, что машина ходила ходуном, из-под колес ее вырывались клубы пыли, накрывая синее небо белесой пеленой. Оставив за собой глубокие следы и раскромсанные заросли полыни, фура выкатила на дорогу и возобновила погоню за сыном Винса.

Винс повернул левую рукоять руля, и «Вулкан» сорвался с места. На руле бешено мотался Малыш. Осталась самая легкая часть. Может, она его и убьет, но все равно это будет легче по сравнению с бесконечными минутами ожидания, пока они с Лемми, наконец, не услышали мотоцикл Лихача на фоне рева БЕРЕЗНЯКА.

«Ты в курсе, да, что окна кабины будут закрыты? После всей той пыли, через которую он только что проехал».

Поделаться с этим Винс ничего не мог. Если водитель фуры закрылся в своей кабине, Винс позаботится об этом, когда придет время.

Осталось уже недолго.

Нефтевоз выжимал около шестидесяти. Он мог ехать гораздо быстрее, но Винс не позволит водителю переключиться через бог знает сколько передач, пока «Мак» не достигнет сверхсветовой скорости. Для одного из них скоро все закончится. Наверное, погибнуть придется Винсу, но мысли этой он не чурался. По крайней мере, он выиграет время для Лихача, а получив фору, тот без проблем сможет добраться до Шоу Лоу. Но Винс думал не только о защите сына. Весы нужно было как-то уравновесить. Он никогда не терял так много за такой короткий срок: шестеро его товарищей потеряли жизни на участке, не превышающем полмили. Нельзя сотворить такое с чьей-то семьей, снова подумал он, а потом просто взять и укатить.

И тут Винс понял, что, может быть, БЕРЕЗНЯК руководствуется теми же соображениями... что, возможно, именно поэтому он связался с ними, несмотря на то, что шансы на успех — один к десяти. Он наехал на них, не зная, да и не заботясь о том, вооружены ли они, считая их по двое и по трое, и плевать ему было на то, что каждый из сбитых им мотоциклов мог стать причиной крушения: сначала «Мак» теряет управление, а потом взрыв цистерны превращает его в огненный шар. Да, это сумасшествие, но вполне вообразимое сумасшествие. Винс перестроился на встречную и начал сокращать дистанцию. До цистерны теперь было рукой подать. И тут он увидел нечто, способное подытожить этот кошмарный день и объяснить его в простых и понятных терминах. Наклейка на бампере. Грязнее, чем дорожный указатель на Кумбу, но все равно читабельная: **ГОРДЫЙ ОТЕЦ ОТЛИЧНИЦЫ ИЗ КОРМАНСКОЙ СРЕДНЕЙ!**

Винс поравнялся с пыльной цистерной. В зеркале заднего вида со стороны водителя Винс увидел, как в кабине что-то шевельнулось. Тот заметил его. В ту же секунду Винс увидел, что окно таки закрыто, как он и боялся.

Нефтевоз начал сдавать влево, наезжая на белую линию внешними колесами.

Мгновение перед Винсом стоял выбор: отступить или ехать дальше, но компьютер в голове сказал ему, что время выбора прошло: даже если он ударит по тормозам с риском опрокинуться, последние пять футов грязнучей цистерны размажут его как муху по левому ограждению.

Вместо этого Винс погнал еще быстрее. Левая полоса становилась все уже, фура все

больше прижимала его к находящейся на уровне колен блестящей стальной ленте. Винс сдернул световуху с руля, порвав при этом петлю. Зубами он сорвал изоленту с кольца, обрывок петли не переставая бил его по щеке. Кольцо начало со звоном стучать по перфорированному боку Малыша. Солнце скрылось. Тень фуры полностью накрыла Винса. Ограждение проносилось всего лишь в трех футах от него, до надвигающегося справа борта фуры оставалось никак не больше. Винс добрался до сцепки между цистерной и кабиной. Теперь он мог видеть только голову Лихача — все остальное загоразживал грязно-коричневый капот. Назад Лихач не оглядывался.

Он не думал, что будет дальше. Плана действий у него не было. Просто прорвалось наружу его дорожно-блеванное естество, посылающее мир на хер. Как и всегда. А для Племени, если уж на то пошло, это было единственным *raison d'être*.

Когда фура приблизилась для финального удара, и без какого-либо пространства для маневра, Винс поднял руку и показал водителю средний палец.

Винс поравнялся с нависшей над ним грязной скалой кабиной. Значит, прикончит его именно она.

Внутри что-то зашевелилось: та самая выгоревшая на солнце рука с татуировкой морской пехоты. Рука напряглась, и окно втянулось в щель. Тут Винс понял, что кабина, которой уже давно полагалось смести его с дороги, остается на месте. Водитель сделает это, без вопросов, но только после того, как даст подобающий ответ. «Может, мы даже служили в соседних подразделениях, — подумал Винс. — В долине А Шау, например, где дерьмо пахнет слаще».

Окно опустилось полностью. Показалась рука. Она уж было начала складываться во встречном жесте, но остановилась. Водитель вдруг понял, что рука, показавшая ему палец, что-то сжимала. Винс не дал ему опомниться и лица его так и не увидел. Увидел только татуировку **«ЛУЧШЕ СМЕРТЬ, ЧЕМ БЕСЧЕСТЬЕ»**. Неплохая мысль, и как часто вам выдается шанс дать кому-то именно то, что он хочет?

Винс поймал кольцо зубами, выдернул его, услышал шипение начавшейся химической реакции и вбросил Малыша в окно. Ничего изощренного — просто легкий бросок. Словно волшебник, который раскрыл руку, чтобы выпустить голубя, хотя за секунду до этого казалось, что в ней всего лишь зажат носовой платок.

«Теперь можешь давить, — подумал Винс. — Давай закончим все, как полагается».

Да только нефтевоз вильнул в противоположную от него сторону. Винс был уверен, что он бы непременно вернулся, будь у него на это время. Водитель свернул чисто машинально, стараясь увернуться от брошенного в него предмета. Но и этого хватило, чтобы спасти Винсу жизнь, потому что Малыш успел сработать еще до того, как водитель смог скорректировать курс и смести Винса Адамсона с дороги.

Кабину озарила ослепительно белая вспышка, словно сам Бог спустился с небес, чтобы сделать снимок. Вместо того чтобы вернуться влево, Березняк взял еще правее, выкатив сначала на свою полосу, а потом и за нее.

Кабина вмазалась в правое ограждение, выбив сноп искр, вызвав огненный дождь, запустив тысячи огненных колес. Ошалевший Винс почему-то вспомнил 4-е июля: маленький Лихач сидит у него на коленях и смотрит на алые всполохи фейерверков, их огни сверкают в его восхищенных вишенках-глазах.

Фура проломила ограждение, разорвав его, словно фольгу. БЕРЕЗНЯК начал заваливаться с двадцатифутовой насыпи в наполненный песком и перекасти-полем овраг. Фура накренилась. Цистерна пошла вперед и протаранила заднюю стенку кабины. Винс почти ничего не увидел, потому что пронесся мимо места происшествия прежде, чем успел нажать на тормоза и остановиться, но Лемми увидел все. Увидел, как кабина с цистерной складываются в букву «V» и разъединяются; как цистерна первой катится вниз, а через пару секунд за ней следует кабина; как цистерна распадается и взрывается. Она превратилась в огненный шар, из которого повалили клубы черного маслянистого дыма. Кабина прокатилась мимо нее, переворачиваясь снова и снова и превращаясь в бессмысленную бордовую грудку металлолома. Крючья и зубья гнutoго металла поблескивали на солнце.

Наконец, она остановилась футах в восьмидесяти от столба пламени, который когда-то был ее грузом. Окно водителя оказалось обращенным к небу. К тому времени Винс

уже бежал назад по тормозному следу своего мотоцикла. Он увидел фигуру, которая пыталась вылезти через искореженное окно. Лицо повернулось к нему, да только это было не лицо, а сплошная кровавая маска. Успев вылезти лишь до талии, водитель свалился обратно в кабину. Загорелая рука с татуировкой застряла и теперь торчала, как перископ подводной лодки. Кисть вяло болталась на запястье.

Тяжело дыша, Винс остановился рядом с мотоциклом Лемми. Несколько мгновений ему казалось, что он вот-вот хлопнется в обморок, но он согнулся, положил руки на колени, и вскоре ему полегчало.

— Ты сделал его, Кэп. — Голос Лемми был хриплым от эмоций.

— Надо бы удостовериться, — ответил Винс, хотя застывшая рука-перископ подсказывала, что это пустая формальность.

— Почему бы и нет? — сказал Лемми. — Мне все равно надо поссать.

— На него ты ссать не будешь, живой он или мертвый, — сказал Винс.

Послышался рев мотора: «харлей» Лихача. Он остановился в показном заносе, заглушил мотор и слез с мотоцикла. Лицо его, хоть и запыленное, светилось возбуждением и торжеством. Таким Винс его не видел лет с двенадцати. Он тогда выиграл гонку по грязи на своем маленьком бапи, который для него собрал Винс, такой желтой торпедой с разогнанным движком от «Бритт-энд-Страттон». Проехав финишный флаг, Лихач тут же вылез из кабины и побежал вприпрыжку с таким же выражением на лице.

Он крепко обнял Винса.

— Ты сделал это! Ты сделал это, па! Поджарил его хренову задницу!

Пару мгновений Винс давал себя обнимать, ведь в последний раз это было так давно. А еще потому, что в эту минуту в его испорченном сыне проклюнулся добрый ангел. Такой ангел есть у каждого, и даже после всего того, что он перевидал на своем веку, Винс продолжал в это верить. Поэтому пару мгновений он давал себя обнимать, купаясь в тепле сыновнего тела, и пообещал себе, что запомнит их навсегда.

Затем, приложив руки к груди сына, Винс оттолкнул его. Сильно. Лихач отступил назад на своих сделанных на заказ ботинках из змеиной кожи, выражение любви и торжества на лице таяло...

Нет, не таяло. Менялось. Становились выражением, которое Винс очень хорошо знал: недоверием вперемешку с неприязнью. *«Хватит уже, а? Не неприязнь это, и не было никогда».*

Нет, не неприязнь. Ненависть. Жгучая и незамутненная.

Все под контролем, сэр, и вали-ка на хер.

— Как ее звали? — спросил Винс.

— А?

— Как ее звали, Джон? — Винс не называл Лихача его настоящим именем уже многие годы, да и теперь никто кроме их двоих этого не услышал. Лемми спускался по мягкой земляной насыпи к металлическому кому, бывшей кабине БЕРЕЗНЯКА, оставив сына наедине с отцом. Пусть они выяснят отношения без посторонних.

— Да что это с тобой? — Сплошная насмешка. Но когда Винс протянул руку и сорвал эти идиотские зеркальные очки, в глазах Джона «Лихача» Адамсона он увидел правду. Понял, наконец, в чем все дело. Поймал пятерку, как они любили говорить во Вьетнаме. Говорят ли еще так в Ираке, или это выражение кануло в лету вместе с азбукой Морзе?

— Какие планы, Джон? Направишься в Шоу Лоу? Выбивать бабки из кларковой сестрицы? Бабки, которых у нее нет?

— Может, и есть. — Парень было надулся, но вовремя себя одернул. — Деньги у нее. Я знаю Кларка. Этой шлюшке он доверял.

— А Племя? Что... просто забудешь на него? Забудешь? Дина, Эллиса, всех остальных. Дока...

— Они мертвы, — Лихач вперил взгляд в отца. — Слишком вялыми они были. И старыми, по большей части. — *«Как и ты»*, говорили его холодные глаза.

Лемми начал возвращаться, выбивая ботинками пыль. В руке он что-то держал.

— Как ее звали? — повторил вопрос Винс. — Девчонку кларкову. Звали ее как?

— Да какая, на хер, разница? — он запнулся, пытаясь снова войти в расположение

Винса, на лице почти читалась мольба. — Господи, да оставь ты, а? Мы же победили. Задали ему жару.

— Ты знал Кларка. В Фаллудже и на гражданке. Вы тесно общались. А если ты знал его, ты знал и его подругу тоже. Как ее звали?

— Джейни. Джоани. Как-то так.

Винс отвесил ему пощечину. Лихач испуганно заморгал. На мгновение он снова стал десятилетним. Но только на мгновение. Тут же вернулась ненависть, а за ней — полный отвращения, ледяной взгляд.

— Он услышал, как мы говорим там, у забегаловки. Я о дальнобойщике, — сказал Винс. Терпеливо, словно бы говоря с ребенком, которым когда-то был стоящий перед ним парень. Парень, ради спасения которого он рисковал жизнью. Да, но то был чистый рефлекс, и Винс в любом случае поступил бы так же. Вот единственный лучик света во всем этом мраке. Этой мерзости. И ведь не только Винс поддался отцовскому инстинкту. — Он знал, что на стоянке с нами разобраться у него не получится, но отпустить нас он тоже не мог. Вот он и выжидал. Дал нам себя обогнать.

— Понятия не имею, о чем ты толкуешь! — Очень убедительно. Только он врал, и они оба это знали.

— Дорогу он знал хорошо, вот он и ехал за нами до самого подходящего для него участка. Как любой хороший вояка.

Да. А потом погнался за ними с одной единственной целью, и плевать ему было на цену, которую он за это заплатит. Березняк предпочел смерть бесчестью. Винс о нем ничего не знал, но внезапно почувствовал, что он нравится ему больше, чем его собственный сын. Казалось бы, это невозможно, но что есть, то есть.

— Ты ебанулся, — сказал Лихач.

— Не думаю. Вполне возможно, что он как раз ехал повидаться с ней, когда наши пути пересеклись на той стоянке. Так вполне мог поступить отец ради любимой дочери: устроить все так, что у него будет возможность навещать ее время от времени. Может, она даже захочет съездить с ним куда-нибудь. Отвлечься ненадолго от травы и прочей наркоты.

Подошел Лемми.

— Мертв, — сказал он.

Винс кивнул.

— Нашел это на козырьке. — Он протянул предмет Винсу. Смотреть Винсу не хотелось, но пришлось. Снимок девушки. Девушка улыбается, волосы ее повязаны в хвостик. На ней Фуфайка команды Корманской средней, та самая, в которой она погибла. Она сидит на переднем бампере БЕРЕЗНЯКА, опершись спиной на серебристую решетку. На голове камуфляжная кепка ее папы, повернутая козырьком назад. Девушка шутливо отдает честь, стараясь сдержать улыбку. Кому же она салютует? Березняку, кому же еще? Ведь это он держал в руках камеру.

— Ее звали Джеки Березняк, — сказал Лихач. — И она тоже мертва, поэтому хер с ней.

Лемми подался вперед, готовый скормить Лихачу его собственные зубы, но Винс взглядом его остановил. Снова посмотрел на сына.

— Давай, сынок, езжай, — сказал он. — Держись в седле крепко.

Лихач непонимающе смотрел на него.

— Только не останавливайся в Шоу Лоу, потому что я собираюсь сообщить копам, что кое-какой шлюшке может понадобиться защита. Я им скажу, что какой-то псих убил ее брата и что она может оказаться следующей.

— А что ты им расскажешь, когда они спросят, откуда у тебя эти сведения?

— Все, — тихо, даже как-то безмятежно, ответил Винс. — Так что вперед. Езжай. В этом ты спец. Как ты умудрился оторваться от фуры на дороге из Кумбы... это было нечто. Тут я тебе аплодирую. На байке носиться ты умеешь. Больше ты мало на что годишься, но хоть на это. Так что давай, уноси отсюда свою задницу.

Лихач неуверенно смотрел на отца. Вдруг он испугался. Но испуг скоро пройдет. Скоро он снова начнет посылать всех в жопу. Ведь все, что у него есть — это умение забить на все и вся, зеркальные очки да быстрый байк.

— Па...

— Лучше езжай, сынок, — сказал Лемми. — Кто-то, наверное, уже увидел дым. Скоро сюда понаедут штатники.

Лихач улыбнулся. При этом из левого глаза выкатилась слеза и проложила мокрую дорожку на его пыльной щеке.

— Вы просто два старых ссыкуна, — сказал он.

Он пошел обратно к мотоциклу. Цепочки на ботинках зазвенели... как-то по-дурацки, подумал Винс.

Лихач закинул ногу через седло, завел свой «харлей» и поехал на запад, в сторону Шоу Лоу. Винс не думал, что он оглянется. Так оно и вышло.

Они смотрели ему вслед. Через некоторое время Лемми спросил:

— Ну что, Кэп, поехали?

— Некуда нам ехать, дружище. Думаю, я просто посижу здесь, у дороги.

— Что ж, — сказал Лемми. — Если так, то я тоже немного посижу.

Они отошли к обочине и уселись, скрестив ноги, словно старые индейцы без одеял на продажу. Сидели и смотрели, как внизу догорает и плюется дымом в суровое синее небо цистерна. Кое-что добиралось и до них, обдавая маслянистой вонью.

— Можем перебраться в другое место, — сказал Винс, — если тебе мешает запах.

Лемми наклонил голову назад и глубоко вдохнул, словно бы пытаясь оценить букет дорогого вина.

— Да нет, нормально. Пахнет Вьетнамом.

Винс кивнул.

— Заставляет вспомнить старые деньки, — сказал Лемми. — Когда мы были почти такими же быстрыми, какими себя считали.

Винс опять кивнул.

— Живи красиво или...

— Ага. Или умри, смеясь.

Больше они ничего не говорили: просто сидели и ждали, Винс с фотографией девушки в руке. Изредка он смотрел на нее, подставляя солнцу, и думал, какая же она тут молодая и счастливая.

Но в основном он смотрел на огонь.

